

Там были люди, которые фотографировали, и люди, которые входили и выходили, в этом не было ничего необычного. Позади него раздавался голос гида, усиленный громкоговорителем.

— Это университет А...

Это был Университет А. Университет Сюй Танчэня.

От интенсивного бега грудь парня начала слегка болеть. И то, что боль заставляла его чувствовать, показывало, что это происходящее реально.

Когда он вернулся в ресторан, на столе стояли три стакана с напитками. Сюй Танчэнь увидел, что И Чжэ немного запыхался, и подумал, что это странно. С чего бы ему задыхаться после похода в туалет? Затем, вспомнив холод, который он почувствовал, когда И Чжэ прошёл мимо, молодой человек пристально посмотрел на него и с любопытством спросил:

— Где была уборная, в которую ты ходил?

И Чжэ отчаянно пытался сдержать бурное дыхание. Услышав этот вопрос, он поспешил взять себя в руки.

— Там. — Он указал направление, откашлялся, прочистив горло, и заставил себя казаться спокойным. — В очереди было много людей.

Сюй Танчэнь почувствовал ещё большее любопытство.

— Но... — удивленно начал он, обернулся и указал в другом направлении. — Туалет вон там.

И Чжэ остолбенел.

— О, это верно. — И Чжэ запнулся. — Я... у меня плохо с чувством направления.

Неуклюжее объяснение, которое пришло ему в голову. У него возникло импульсивное желание откусить себе язык. Кто бы сбился с пути, идя в туалет в ресторане?

Как он и ожидал, два человека за столом были очень удивлены.

Сюй Танси разразилась смехом. Она почувствовала, что с её стороны это грубо, и пыталась сдержаться, но это ей не удалось. Она прикрыла рот ладонью, чтобы сдержать смех.

— И Чжэ-гэ, значит, твоё чувство направления ещё хуже, чем у меня. В таком случае, теперь я чувствую облегчение. Я боялась, ты подумаешь, что я тупая, раз на днях сбилась с пути.

И Чжэ ничего не сказал. Он посмотрел на неё и скривил губы, затем опустил голову и взял ближайший к нему стакан с напитком.

— Эй, подожди минутку, — сказал Сюй Танчэнь, не закончив смеяться, но всё же нашёл в себе силы заговорить. Его глаза светились. — Какой из этих двоих ты предпочитаешь? Гуава или манго.

— Это хорошо.

Как он мог беспокоиться о выборе напитка? И Чжэ бросил эту реплику и в волнении осушил половину стакана. Прохладная жидкость скользнула по горлу в живот, и ему, наконец, удалось успокоиться.

Фильм, который они смотрели в тот день, был CJ7. Но на самом деле то, что они наблюдали, не казалось чем-то очень важным.

У И Чжэ не было глубокого впечатления от того, что происходило на экране. На протяжении сеанса в его голове безостановочно прокручивалась сцена главного входа в университет А, различных школьных зданий, множества маленьких улочек, а также нескольких статуй, которые он видел.

Время от времени он украдкой поворачивал голову, его глаза скользили мимо Сюй Танси, чтобы посмотреть на человека, который был сосредоточен на фильме.

Кинозал, казалось, обладал таинственной силой. Перед глазами парня мерцали огни, ему казалось, что он смотрит фильм, который принадлежит только ему. Это был немой фильм, в котором Сюй Танчэнь был единственным персонажем — он ехал на велосипеде, или шёл пешком, нёс свою школьную сумку на спине, держал учебник — И Чжэ видел, как он совершает множество различных действий. Они были вызваны его воображением, но настолько реальными, что казалось, будто он видит их на самом деле.

Когда фильм дошёл до финального кадра, парень видел Сюй Танчэня, сидящего на кровати в своём общежитии и раздевающегося... Большой экран мерцал. Среди меняющегося света и движущихся теней И Чжэ чувствовал, как будто всё его тело было пустым, словно он парил в воздухе, и ему не за что было ухватиться. Темнота позволила его душе словно освободиться от физического тела. То, что душа восприняла, было не переполненным кинозалом, а всеобъемлющей мягкостью.

Рациональность подсказывала ему, что он должен остановиться на этой сцене, но безумный голос рычал, соблазнял, спрашивал его: «Разве ты не хочешь продолжать смотреть?».

Он был взволнован и беспомощен, не в состоянии сделать выбор. Тем не менее, Сюй Танчэнь в том фильме приостанавливал свои движения. Он сел на кровать и внезапно повернулся к камере, встретившись с ней взглядом.

Фильм закончился. Свет стал ярче.

Лоб И Чжэ покрылся холодным потом.

Эта камера была точно такой же, как его глаза, подглядывающие за ним. В тот момент, когда Сюй Танчэнь увидел его, все грязные мысли будто открылись под палящим солнцем.

Его сердце бешено колотилось.

Ослепительный свет ослепил глаза. Идя по мягкому ковру, он испытал замешательство и некоторую рассеянность.

Что он только что делал? Почему он так безумно бежал, чтобы увидеть его университет?

Сюй Танчэнь и Сюй Танси шли перед ним. И Чжэ посмотрел на их спины, его дыхание было беспорядочным. Он ясно ощущал своё собственное ненормальное состояние. Все нелепые мысли заставили его прийти к пониманию, которое пугало его до безумия — пониманию того, какие именно мысли носил он в своём сердце, когда приближался к этому человеку.

Парень замедлил шаг, желая увеличить расстояние между ними, как будто только так появится немного места, чтобы вдохнуть глоток воздуха.

Стоявший перед ним Сюй Танчэнь, казалось, почувствовал, что младший товарищ отстаёт. Он внезапно остановился и повернулся, чтобы посмотреть на И Чжэ.

— Почему ты отстаёшь?

Сюй Танчэнь улыбнулся ему и подождал, пока тот подойдёт, чтобы идти вперёд плечом к плечу.

Им нужно свернуть за угол, выход из кинозала был тёмным. Они оказались слишком близко друг к другу. Маленький ребёнок протиснулся мимо них. Чтобы вернуться от ребёнка, Сюй Танчэнь наклонился ближе к И Чжэ.

Их тела соприкоснулись. Он проиграл битву. И Чжэ в отчаянии закрыл глаза.

Если сближаться с ним опасно, то пусть это будет опасно. Ему нужно лишь сохранить эту тайну.